

«ТРОЯНСКИЙ КОНЬ» ДИРЕКТИВНОСТИ

(О статье А. Бузгалина, А. Колганова (2016а). «Планирование: потенциал и роль в рыночной экономике XXI века» // Вопросы экономики, № 1, с. 63-80)

Октай МАМЕДОВ,

доктор экономических наук, профессор,
Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия,
e-mail: terraeconomicus@mail.ru

Новизна статьи – в критическом анализе аргументов одной из самых мощных за последнее время интеллектуальных атак на рыночную экономику – посредством протаскивания в ее пространство «троянского коня», в шкуре которого скрывается хорошо знакомая экономистам идея благости для рыночной экономики «макроэкономического планирования». И хотя подобного рода нападения имеют длительную предысторию (включая кейнсианскую теорию регулирования макроэкономического равновесия и гитлеровскую практику выведения германской экономики из послевоенного кризиса), рассматриваемая атака произведена по всем правилам «экономического империализма». Актуальность научных решений, предложенных в статье, – в оценке новейших теоретических аргументов, приводимых в работах известных российских экономистов, и прогнозировании возможных негативных последствий реализации этих положений. В статье преследуется цель – показать теоретико-методологическую и практическую несовместимость концепций централизованного планирования и свободного рынка, как бы ни менялась конкретика, в которой функционируют эти две системы. Научно-исследовательские задачи статьи – обоснование правомерности монографического метода критического анализа; характеристика используемых в данной атаке политико-экономических доказательств; изучение концептуального («планового») контекста взаимоотношения общества и экономики; показ роли бюрократии в попытке реанимации макроэкономического планирования в рыночной системе. Методология исследования – корректное противопоставление политико-экономических императивов макроэкономического планирования и политико-экономических императивов рыночной системы. Рамки исследования – предпринятый анализ ограничен теоретическим моделированием критикуемых исходных посылок, механизма реализации и прогнозов их последствий для рыночной и нерыночной экономики. Основные источники – тексты статей авторов критикуемой «рыночно-плановой» концепции, а также результаты специальных теоретико-методологических исследований российских и зарубежных политико-экономов. Логика представления исследовательского материала (статья структурирована в соответствии с последовательными ступенями восхождения от практики – к методологии критикуемой

концепции): постановка проблемы – методы критического анализа – критерии политико-экономических доказательств – экономика и общество – о печальной судьбе бюрократии – методика реанимации планирования – военно-лирические отступления – мелкие оговорки и крупные последствия.

Ключевые слова: централизованное планирование; индикативное планирование; плановая экономика; рыночная экономика; планово-рыночная экономика

«TROJAN HORSE» OF DIRECTIVE PLANNING

(On the article by Buzgalin A. and Kolganov A. (2016a). Planning: its potential and role in the market economy of XXI century. *Voprosy ekonomiki*, no. 1, pp. 63-80. (In Russian.)

Oktay MAMEDOV,

Doctor of Economics (DSc), Professor,
Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia,
e-mail: terraeconomicus@mail.ru

The research article provides a new critical insight on the arguments for one of the most influential brain attacks of our time against the market economy – by trying to legitimate an idea of usefulness of “macroeconomic planning” for the market economy. Being in fact a “Trojan horse” in the market environment, such kind of ideas has a long prehistory (including the Keynesian theory of macroeconomic equilibrium and Hitler’s practice of regulation to overcome the post-war crisis in Germany). However, the attack which is the point of criticism in this article, illustrates the “best traditions” of “economic imperialism”. The solutions proposed in the paper are of high relevance, since they refer to the new evidence the authors of the criticized article provide to justify the idea of macroeconomic planning. The purpose of the paper is to demonstrate methodological and practical incompatibility of the concepts of centralized planning and free market, irrespective of particular change that take place in these two systems. The objectives of the article are: to provide rationale for using monographic method of critical analysis when appropriate; to provide characteristics for the political and economic evidence this paper appeals to; to study conceptual context of interrelationships between society and economy; to demonstrate the role of the bureaucracy in an attempt to resurrect macroeconomic planning in the market economy. Methodology used in the article: correct juxtaposition between the political and economic imperatives of macroeconomic planning and those of the market system. Limitations of the study: the analysis presented in the paper is bounded by the theoretical modelling of the initial premises, mechanisms of its implementation, and forecasts of its probable consequences in market and non-market economy. The texts of the authors of the criticized “planned market economy” concept, as well as the results of theoretical and methodological studies by foreign and Russian political economists served as the sources of data.

Keywords: centralized planning; indicative planning; planned economy; market economy; “planned market economy”

JEL classification: P11, P21

«...Барон фон Гринвальдус,
Сей доблестный рыцарь,
Все в той же позиции
На камне сидит»

(Козьма Прутков)

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ – ОБАЯНИЕ ПЛАНИРОВАНИЯ

История экономического прогресса – это история бесконечного, отчаянного и изнурительного поиска человечеством самых эффективных форм и инструментов общественной организации общественного производства. Среди таких инструментов центральное место почему-то стабильно занимает некая управленческая туманность, имя которой – «планирование». И несть числа упований на этот, вроде бы примитивный инструмент, обычно трактуемый как панацея от всех экономических бед. И хотя ни в одной экономической эпохе и ни в одной стране приписываемые планированию достоинства не были им продемонстрированы, кажущаяся простота и воображаемая эффективность планирования постоянно привлекают к нему новые отряды сторонников. Интересно, что при этом западные экономисты никогда не скрывали фундаментальные причины, актуализирующие внимание к макроэкономическому планированию, включая социализм; так, еще полвека назад Ян Тинберген писал: «Планирование реализуется всеми видами учреждений, в том числе предприятиями и правительством... Современное планирование коренится, частично, – в социализме, частично, – в современных экономических идеях, выраженных в национальных счетах, кейнсианской теории и антициклической политике в целом» (*Tinbergen, 1968*). Не заблуждаются западные коллеги и относительно практических последствий централизованного планирования – «Установление баланса между «планом» и «рынком» обсуждается до тошноты в отношении СССР, стран Восточной Европы и Китая, в то время как для капитализма это – вопрос, который еще дискутируется сегодня, когда капиталистическое планирование обсуждается всеми. Пока ответ на этот вопрос является относительно легким: опыт экономики советского типа показывает, что наиболее решительные попытки централизованного управления всей экономикой через непосредственное руководство и детальное физическое распределение материальных ресурсов могут быть не менее анархичными, чем у чистого капитализма» (*Nuti, 1985*).

Вообще же «вера в планирование» сродни «вере в доброго царя», – никто такого не видел, но все уверены в его достоинствах.

Очевидная причина, позволяющая планированию прельщать умы, это отсутствие в этих умах хоть какого-то представления об операциональной сложности процесса практического осуществления планирования. Схема упрощения здесь такова: индивидуальное планирование повседневных дел механически переносится на представление об общественном планировании экономического развития. Большой нелепости невозможно и придумать!

Однако неочевидная причина необъяснимой любви (особенно российских экономистов, причем преимущественно теоретиков) к планированию экономики скрывается в недооценке различия природы экономики и планирования, в отождествлении (и тем – упрощении) механизма реализации экономических процессов с механизмом реализации производственных процессов.

Из числа современных российских экономистов, усматривающих в планировании экономики средство ее кардинального излечения от преследующих экономику уже веками социальных болезней, наиболее известны профессора А. Бузгалин и А. Колганов. Увлечение «европейским социализмом», счастливо избежавшим то, что у нас сегодня принято ласково именовать «сталинскими крайностями», подвигло их на теоретический анализ недооцененного социального потенциала экономического планирова-

ния. И оба автора, по мере углубления в анализ планирования, все сильнее уверялись в его макроэкономических достоинствах¹.

Соглашаясь с достоинствами всех видов планирования, мы отказываем в них только макроэкономическому планированию. Конечно, опасность не в самом макроэкономическом планировании, а в тех объективных последствиях, которые неизбежно сопровождают его реализацию. И эта опасность, по нашему мнению, исходит от того, что **субъектом макроэкономического планирования может выступать только государство**². Необходимость и неизбежность в обозримой исторической перспективе государственной организации общественной жизни и общественного производства, организации, обладающей не экономической, а надстроечной природой, организации, генерируемой из сферы, находящейся за пределами экономики, – вот в чем мы усматриваем опасность «внеэкономического» планирования для экономики. Не удивительно, что осознание внеэкономического происхождения и внеэкономической природы опасности макроэкономического планирования недоступно экономической науке в силу инопредметности этой опасности.

Критическому рассмотрению методологического основания «бузгалинско-колгановской» концепции планирования, упорно рекламирующей макроэкономическое планирование как универсально-кардинальное средство преодоления негативных сторон современной экономики, и посвящена данная статья.

О МЕТОДАХ КРИТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Анализ научного произведения может быть осуществлен в принципе всего двумя способами.

Первый («фундаментальный») состоит в соотнесении концепции автора с уже существующими в данной науке иными теориями, в показе того общего состояния науки, на фоне которого происходит противостояние «новой» и «старых» концепций, а также в определении авторского вклада в изучение данной проблемы.

Второй способ («локальный») концентрируется непосредственно на анализируемом произведении, оценивая выдвигаемые в нем положения на их доказательность и логическую непротиворечивость.

Поскольку о планировании написан «монблан» научных публикаций, целесообразнее сосредоточиться на локальной критике.

«ПЕРЕЗАГРУЗКА» ЛУЧШЕ «ЗАГРУЗКИ»?

В аннотации к статье ее авторы указывают, что вывод о целесообразности «перезагрузки» планирования был ими сделан с опорой на критический анализ опыта планирования в XX в. в ряде стран Европы и Азии, а также исходя из уроков экономики «реального социализма» (Бузгалин, Колганов, 2016а. С. 63).

Трудно сказать, насколько авторы учитывали объективные «уроки экономики реального социализма», но **они так серьезно оперируют этими уроками, что даже не чувствуют комизма в подобном отношении к системе, за семьдесят лет ни единого дня не функционировавшей в нормальных (неэкстремальных) условиях, как это присуще любой самоорганизуемой экономике!**

Более того, авторы настолько чтут отторгнутый Историей «советский социализм», что отваживаются и сегодня рекомендовать опыт советского планирования экономического развития странам с либеральной организацией экономики.

О том, как изменялось отношение западных экономистов к макроэкономическому планированию, удачно повествует Джон Кей: «Падение Берлинской стены в ноябре

¹ Свои взгляды авторы изложили в итоговой на данный момент статье (см. Бузгалин, Колганов, 2016а); см. также (Бузгалин, Колганов, 2016b; 2016с).

² См. подр.: (Ellman, 1968).

1989 года было определяющим экономическим событием нашей жизни. Это положило конец самому обширному контролируруемому эксперименту в истории социальных наук – разделению Германии на две экономические зоны – централизованно-планируемую и рыночную. После сорока лет разрыв в уровне жизни между ними оказался настолько велик, что эксперимент был прекращен. Этот результат противоречит здравому смыслу, который на вопрос – «что будет с экономикой, подчиненной мотиву индивидуальной алчности и контролируемой очень большим числом различных агентов?» – ответит: «там будет хаос». Даже в 1960-е годы, в большинстве стран – развитых и развивающихся – за пределами США считали, что централизованное планирование должно быть в центре их экономического управления. Да и США были обеспокоены тем, что Советский Союз мог бы достичь технологического превосходства» (Kau, 2009). Сегодня, видимо, этот вопрос уже никого не беспокоит.

Отметим, что чисто теоретические прозрения Маркса относительно непосредственно-общественного управления непосредственно-общественным производством пытались реализовать уже в первые послеоктябрьские годы (результат – голод 20-х), позже народнохозяйственное планирование вообще было удостоено звания «исходного и основного отношения социализма», т.е. возведено в высший ранг экономической иерархии – в «главное экономическое преимущество» социализма перед капитализмом (результат – голод 30-х и последующих годов). Но вот парадокс – хотя планирование и охватывало всю национальную экономику, и не спасся ни один ее элемент, который бы не был вставлен винтиком в механизм планирования, все равно дело кончилось полным развалом экономики и пустотой в магазинах. А ведь планированию в СССР ничто (и никто) не мешало. И теперь рекомендовать современным «социально-капиталистическим» экономистам этот метод? По меньшей мере, странно. Отсюда, можно представить, какими «уроками» какой «экономики» будут потчевать нас авторы статьи, претендующей на фундаментальность.

Быть может, Вы спросите, а разве в фиаско народнохозяйственного планирования виновато оно само, а не разрушающие его политико-идеологические процессы? В том-то и дело, что эти политические, идеологические и иные губительные для планирования моменты «вшиты» в его социальную природу, поскольку единственным субъектом макроэкономического планирования на практике может выступить только **государство, – такой «товарищ», который не успокоится, пока не присвоит себе все функции всех экономических субъектов. Да оно и понятно – эффективность макроэкономического планирования определяется тем, стало ли государство единоличным субъектом всех сфер экономики – производства, распределения, обмена и потребления.** Чиновники всегда будут уверять, что только в этом случае обеспечивается оптимальность огосударствленной экономики, а когда им сообщают, что большей монополии на экономическую власть, чем у социалистического государства, в мире не было, то начинают упрекать всех в том, что это они все и мешают достичь государственной экономике небывалых успехов. Да и кто бы отважился «на равных» разговаривать с чиновником, представителем государства, на стороне которого – закон, полиция, суды? Таким равноправным собеседником может быть только свободное (экономически независимое от государства и потому равноправно-оппонирующее ему) общество, которое в этом своем качестве – «свободно-независимо-оппонирующей» стороны – становится для государства непримиримым противником, посягающим, как кажется государству, на его неотъемлемые права на командование обществом и экономикой. Великолепно определил крайности плановой и рыночной экономики D.M. Nuti, сказавший о советской экономике как о «перегруженной планированием», а о британской – как об «истощенной рынком» (Nuti, 1985).

*

Далее авторы уверяют читателя (оставляя в тайне, на чем основаны их заверения), что «в результате (перезагрузки планирования) должны сформироваться адекватные

для новой экономики механизмы планирования..., задающие векторы развития для определенных ограниченных сфер остающейся в целом рыночной экономики. Новые институты планирования предполагают отказ от форм бюрократического централизма и опору на сетевые формы организации субъекта и процесса планирования» (Бузгалин, Колганов, 2016а. С. 63).

Таково концептуальное положение всей статьи, и оно заслуживает подробного рассмотрения.

Итак, при «перезагрузке» института планирования «должны сформироваться адекватные для новой экономики механизмы планирования». Мы обращаем внимание читателя на то, что здесь приведено принципиально важное для понимания критикуемого подхода указание на некую императивность, на ситуацию «долженствования», представленного в этой фразе словом «должны» («в результате *должны* сформироваться...»). Это абстрактное, ничем не обосновываемое и ниоткуда не выводимое, «долженствование» и обнаруживает всю слабость и малодоказательность основания авторской концепции.

О ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВАХ

Действительно, политическая экономия (а авторы рассматриваемой статьи – признанные политэкономы) – единственная социальная наука, способная предъявить причинно-следственную неизбежность последствий институциональных перемен во всей экономике, в данном случае – «перезагрузки» института планирования. Однако авторы предпочитают ограничиться аморфным «должны», – но вот почему «должны» и «кто» (субъекты? обстоятельства? государство?), об этом – ни слова.

Поневоле начинаешь думать, а почему это «должны» не сработало при первичной загрузке института планирования, и почему «должно» сработать теперь, при «перезагрузке»? А если возникнут не адекватные, а – неадекватные механизмы планирования? Кто может гарантировать, что появятся именно «адекватные механизмы планирования»? И что, уже есть подтвержденные практикой критерии «адекватности»?

Блестящий анализ того фактического состояния, в которое выродилось централизованное директивное планирование в советской экономике (в условиях отсутствия рынка и демократии), дал Пол Крейг Робертс, отмечавший: «Западные экономисты полагали, что здесь экономический рост был обеспечен тем, что централизованное планирование контролировало уровень инвестиций... Все эти предположения были ложными. Западные ученые оказались неготовыми к внезапному коллапсу Советского Союза. Их субъект исчез прежде, чем они что-либо поняли»; Робертс отмечает, что многие годы «положительное отношение к централизованному планированию считалось признаком утонченности, ... даже в конце 1989 года Пол Самуэльсон исполнил обязательную оду советской экономике в своем учебнике экономики»; тем не менее, продолжает Робертс, «жалкий доход на душу населения в России отражал факт пустой траты Советским Союзом своих ресурсов на протяжении 75-ти лет»; автор приходит к выводу, что «советские плановики служили, главным образом, в качестве агентов снабжения для предприятий, стремясь дать предприятиям достаточные ресурсы для выполнения плана, но так как система материально-технического снабжения редко могла выполнить эту задачу, то руководители советских предприятий перешли к бартерным соглашениям друг с другом, создавая свое собственное снабжение». И далее Робертс делает теоретически важный вывод, что «советская экономика, как рынок, была организована не иерархически, а полицентрично, в которой централизованные планы были лишь суммированием индивидуальных планов руководителей предприятий»; что касается соотношения плана и рынка, то Робертс приходит к беспощадному выводу – «целью системы централизованного планирования была ликвидация рынка, а не его имитация» (Roberts, 2002).

Здесь не грех и потеоретизировать. Если бы меня спросили, в чем состоит основное различие между «капитализмом» и «социализмом», то я бы ответил – оно аналогично различию между «вынуждены» и «должны». Поясню: капитализм возник как результат *естественноисторического* развития человечества, а там, где общество развивается по экономическим закономерностям, там субъекты *вынуждены* поступать и делать так, как диктуют эти экономические закономерности. Вот откуда берется изумляющая нас социальная эффективность: экономические субъекты действуют *не вопреки, а в соответствии* с экономическими императивами.

Иное дело социализм. С самого начала социализм предполагался – и по возникновению, и по сути, – обществом высокосоциальных индивидов. «Революционное сознание», «сознание народа», «руководствуясь чувством долга» и тому подобное – вот это и есть социализм. *Социализм, возникнув вопреки естественноисторическим закономерностям* (по крайней мере, в России, в связи с чем Ленин вынужден был доказывать, как теперь очевидно, недоказуемое, – что предпосылки социализма будут построены в эпоху, следующую за социалистической революцией), мог быть феноменом только *надстройки*. Но если – не базиса, а надстройки, значит, социализм у нас возник как производное не от экономики, а от общественного сознания. Так вот откуда это «должны» – раз социализм порожден сознанием, то тогда – «вы должны быть передовиками», «вы должны быть лучшими», «вы должны быть новаторами» и т.д. Те, кто замешкался с приобретением высокого сознания, – к стенке.

Вот это и есть основное различие между капитализмом и социализмом: при капитализме люди *вынуждены* хорошо и качественно работать, при социализме они *должны* хорошо и качественно работать. Переход от общества «вынужденного поведения» к обществу «должного поведения», это и есть переход от капитализма к «реальному» (советскому) социализму.

Но макроэкономическое планирование – не просто обещание общественно-рационального (и потому – социально-эффективного) использования ограниченных природных ресурсов, оно претендует на нечто большее – на превращение в инструмент *сознательного* регулирования *общественного* производства, т.е. экономики, а с ним – и всего общества. Не случайно, характеризуя категорию «поздний капитализм», авторы специально поясняют – «мы определяем поздний капитализм как этап в развитии капиталистического способа производства, когда его прогресс (технологическое развитие, экономический рост) требует использовать элементы посткапиталистических отношений», и среди этих отношений первым называют «*сознательное* регулирование экономики» (*Hazlitt, 1981*).

Интересно, кто-то из авторов понимает, что такое «сознательное регулирование экономики»? Производства, еще куда ни шло, но – экономики?

Что означает «сознательное регулирование экономики»? По-настоящему – это предложение перевернуть объективный механизм движения и организации общественного производства, заменив его «сознательным» планированием. В результате такой «перевернутости», пусть в теоретической модели, но надстройка становится базисом, а базис – надстройкой!

Это – отказ от научного экономического мировоззрения, признающего в качестве источника развития общественного производства его объективное самодвижение как результат разрешения внутренних противоречий экономики, отказ от признания приоритета экономического в рамках социального, это – отказ от политико-экономической науки, стоящей на прямо противоположных позициях в вопросе о соотношении экономики и общества.

Невероятно, но на глазах у всех два политэконома «прикончили» экономическую историю общества, а заодно – и политэкономию.

*

В реальности же обещанная сторонниками народнохозяйственного планирования эффективная экономика остается ограниченной только фазой производства. Если

взять для иллюстрации сферу распределения, то оптимизация этой сферы в экономическом аспекте означала бы переход к более справедливому распределению получаемых страной доходов (например, чтобы от продажи нефти доходы не шли только в один карман), – а вот такого экономического изменения планирование обеспечить не может.

ЭКОНОМИКА И ОБЩЕСТВО

Экономика – дитя Природы и Общества. Своей «природной» стороной она независима от общества, своей же «социальной» стороной она подчинена обществу. Эта двойственная сущность экономики обрекает ее на сложнейшую диалектику – она и зависима от общества, и не зависима; она и управляет обществом, и сама им управляется; она и диктует поведение производителей, и сама является результатом их поведения.

Как социальный феномен, экономика наделена худшими человеческими качествами, – она пуглива, мстительна и капризна. Эти три свойства делают ее *непредсказуемой*. Но именно с этой «встроенной» в экономику непредсказуемостью и призвано справиться макроэкономическое планирование. Между тем, такая непредсказуемость и есть *жизнь* экономики, механизм ее движения. Преодоление непредсказуемости просто убьет экономику, останется только угрюмое, внесоциальное Производство.

Однако пугливость, мстительность и капризность экономики объясняются отнюдь не тем, что эти свойства ей присущи, так сказать, изначально, а тем, что это – следствие ограниченности планирования, которое способно охватить только подсистему уже *известных* обществу экономических процессов и факторов. Да и то – известных до *определенного* уровня, т.е. в той мере, в какой трактовки экономических законов и экономических факторов адекватны реальности, и в какой экономическая политика (т.е. – то же планирование) сообразуется с этими трактовками. Пример противоречия: весь мир устремился к глобализации, но это не мешает отдельным странам идти в противоположном направлении, к самоизоляции, а их начальству уверять, что это и есть оптимальный стратегический вектор развития национальной экономики. При этом такая самоубийственная экономическая политика всегда находит немало сторонников даже из числа экономистов.

Неизбежные границы познания, отсутствие критериев истинности этого познания, вмешательство множества экономических интересов различных экономических субъектов, неизбывные лоббизм, коррупция и банальное стяжательство, объективные и субъективные противоречия и конкуренция между различными группами участников производства превращают макроэкономическое планирование скорее в декларацию о намерениях, чем в действительный, практически реализуемый акт. Экономика – слишком важная для общества сфера, чтобы позволить управлять ею через макроэкономическое планирование группе лиц, зачастую состоящей из корыстных временщиков, именуемых «госаппаратом».

Несмотря на времена возникающие баталии между учеными относительно совместимости рыночной экономики с централизованным планированием, в западной учебной литературе вопрос о преимуществах рыночной и недостатках плановой экономики решен однозначно: «Хотя существует много различных вариантов построения национальных экономик, имеется всего два доминирующих механизма экономической координации – централизованное планирование и на основе рынка. Вы должны понимать, что это – две противоположные точки зрения о том, как организовать экономику. Основное различие между ними состоит в объеме индивидуальной автономии в рамках двух систем. Чистая плановая экономика – когда один человек или группа лиц контролирует – что производится, а все предприятия работают вместе, изготавливая товары и услуги, которые планируются и распределяются правительством. Такие страны также называют «командной экономикой», потому что все должны следовать конкретным решениям, принятым контролирующим органом. Необходимость такого

рода жесткого планирования – в гарантии, что все необходимое будет произведено, и что все потребности будут удовлетворены. Поскольку потребности большинства общества удовлетворяются в централизованной экономике планоно, то компенсация усилий носит, в первую очередь, моральный характер; большинство активов находятся в собственности государства. Плановые экономики имеют ряд преимуществ. В идеале нет безработицы, потребности всегда будут удовлетворены потому, что правительство знает, сколько продуктов питания, медикаментов и других товаров необходимо, и оно сможет произвести в достаточном размере для всех. Но достижение этих результатов зависит от группы, которая организует производство и распределение, чтобы точно определить, какие потребители будут нуждаться, и что потребуются для достижения этих целей, и как предвидеть все возможные ситуации. Это означает, что есть много возможностей, чтобы совершить ошибку. В действительности же плановые системы, как правило, страдают большой неэффективностью и не столь успешны, как другие виды экономических систем. Советский Союз является примером страны, которая пыталась установить чистую централизованно-планируемую экономику. Чистая рыночная (капиталистическая) система совершенно свободна от внешнего контроля. Люди сами могут решить, что производить, кому работать и как получить то, что им нужно. Их трудовые усилия вознаграждаются материальными благами, а большинство активов находятся в частной собственности. Этот тип экономики, хотя и может быть порой хаотичным, позволяет людям меняться вместе с условиями рынка, чтобы максимизировать свою прибыль. Несмотря на то, что эта система позволяет избежать многих недостатков плановой экономики, она не свободна от собственных проблем и кризиса. Возможно, что самая большая проблема заключается в том, что бизнес может отказаться от производства товаров, невыгодных для него. Так как не существует никаких правил для обеспечения равенства и справедливости, то рыночная экономика может быть обременена безработицей, и даже те, кто работает, никогда не могут быть уверены в том, что они смогут обеспечить все свои потребности. Несмотря на эти и другие проблемы, с рыночной экономикой приходят многие преимущества, главным из которых являются высокие темпы экономического развития – они не должны ждать разрешения от правительства, прежде чем изменять свою продукцию, а сами компании, находящиеся в рыночной экономике, могут оперативно реагировать на колебания в экономике и потому быть более эффективными, чем в планоно-регулируемой экономике. Кроме того, люди имеют больше свободы и возможностей, чтобы самим устроить рабочие места, которые они хотят, и получить от них прибыль» (*Boundless, 2016*).

Лично меня поражает правдивость характеристики рыночной системы, не утаивающей негативные последствия «неплановой» экономики.

«ШЕПОТ, РОБКОО ДЫХАНЬЕ. ТРЕЛИ СОЛОВЬЯ...»

Для характеристики второй половины уже упомянутого фрагмента статьи лучше всего подходит приведенное выше начало известного стихотворения А. Фета. Авторы пишут – в результате возрождения макроэкономического планирования «должны сформироваться адекватные для новой экономики механизмы планирования..., задающие векторы развития для определенных ограниченных сфер остающейся в целом рыночной экономики. Новые институты планирования предполагают отказ от форм бюрократического централизма и опору на сетевые формы организации субъекта и процесса планирования» (*Бузгалин, Колганов, 2016а. С. 63*).

Читаешь эти строки – и восхищаешься, до чего же тонко авторы проводят планирование между «сциллой» реального социализма и «харибдой» позднего капитализма, например, следующей вербальной формулой: механизмы планирования, «задающие векторы развития для определенных ограниченных сфер остающейся в целом рыночной экономики».

Что же скрывается за этой изящной фразой двух политэкономов?

Ничего, кроме желания пообещать невыполнимое. Авторская мысль настолько богата, что даже в переводе на грубый язык реальной экономики ее трудно изложить адекватно, тем более что используются некие «назывные», обезличенные грамматические формы («должны сформироваться», «задающие», «предполагают отказ»).

Но – попробуем: «Механизмы планирования будут задавать векторы развития для определенных ограниченных сфер». Каким образом механизмы планирования будут задавать векторы развития – сие тайна велика есть! Но здесь логический центр – в «векторах развития». Я до сих пор думал, что функция задавать векторы развития может быть закреплена за каким-то институтом власти, но никак не за механизмами планирования. Но придумано – хорошо. Интрига, однако. И опять же: не направления, а – векторы. Так гораздо учнее.

Но самое важное скрывается в следующих словах – «механизмы будут задавать векторы развития для *определенных ограниченных сфер*» [курсив автора].

Что же это за загадочные «определенные ограниченные сферы»? Кем «определенные»? Кем «ограниченные»? И почему не отрасли, а – «сферы»?

А ларчик-то просто открывается: авторы прекрасно понимают, что, несмотря на всякого рода заверения с их стороны, большинство западных экономистов с подозрением посматривают на превосходно аттестуемое авторами планирование, полагая, что реальное планирование немедленно сначала расстроит, а потом и вовсе подорвет рыночную систему страны. Отсюда и недоговоренности, эвфемизмы, коннотации, в надежде с их помощью проскочить узкую нейтральную полосу между рынком и нерынком. Авторы профессионально, если позволительно будет сказать, «темнят», поскольку прекрасно понимают, что «определенные ограниченные сферы» – это та часть рыночной экономики, которая выталкивается из рыночной системы именно посредством планирования; еще точнее – отдается на поедание планированию, а главное – переводимая на иной, **нерыночный** механизм функционирования. И, кстати, эта изящная конструкция («определенные ограниченные сферы») предназначалась не отечественным экономистам, а на экспорт, так как наши экономисты уж точно знают – непредсказуемость живого рынка будет немедленно заменена видимостью предсказуемости, хотя именно макроэкономическое планирование олицетворяет макроэкономический хаос, подтасовку, неисполнение, фальсификацию данных, жизнь ради директивных показателей и всего того невыносимого, что известно только жившим в эпоху всеобщности планирования.

Значительный интерес представляет «стандартный» учебный материал, преподаваемый в американских университетах; так, в университете штата Джорджия (<http://www.gsu.edu/>) о проблеме плана и рынка рассказывается следующим образом. «Существует необходимость ограничения государственного вмешательства в рыночную систему, следовательно, экономика саморегулируется. Правительство ограничено предоставлением определенных общественных благ, таких, как – оборона, правовая система и защита собственности». О планировании говорится более подробно: «Командная экономика (коммунизм) представляет собой систему, в которой работники мотивированы на то, чтобы внести свой вклад в интересах общины, а не работать в интересах собственного дохода. Это – система, где правительство в основном решает, что и сколько производить, как это будет производиться и кто получит товары на основе общественной собственности на все ресурсы, процесс принятия экономических решений – посредством централизованного планирования экономики. Например, все основные решения, касающиеся уровня использования ресурсов, распределения производства и доходов, а также организации производства, определяются центральным планирующим правительством. Стимулы в рамках этой системы, как правило, приводят к неэффективному использованию ресурсов» (<http://www2.gsu.edu/~ecomaa/Lecture3.htm>). Стоит ли удивляться, что выпускники американских университетов настроены весьма скептически относительно необходимости и эффективности макроэкономического планирования.

В рыночной экономике коммерческая тайна выше государственной, в плановой – наоборот. Постепенно пелена таинственности накрывает все народное хозяйство. Первых советских экономистов репрессиями принуждали к сокрытию и фальсификации статистических данных (*Эхо Москвы, 2009*). Затем экономисты сами вошли во вкус, и общество вступило в эпоху «лукавой цифры» (*Селюнин, Ханин, 1987*). Но разоблачение вранья ничуть не повлияло на приближение к правде – прошло почти три десятка лет, а эпоха «лукавой цифры» – продолжается (*Ханин, 2015*).

*

Но именно потому со всей настойчивостью звучит вопрос – кем определенные и кем ограниченные? И хотя авторы указывают на некие безликие «механизмы планирования», сдается, что определять и ограничивать нерыночные сферы будут все те же государственные структуры. С этих позиций становится понятной успокоительная роль окончания всей фразы – «механизмы планирования..., задающие векторы развития для определенных ограниченных сфер остающейся в целом рыночной экономики». Авторы, профессиональные политэкономы, прекрасно понимают, что потихоньку протаскивают «троянского коня» по имени «макрэкономическое планирование» в пространство современной рыночной экономики и, чтобы успокоить вечно подозревающих неладное экономистов (всегда готовых вместо традиционного клича – «Ганнибал у ворот!» возопить – «Планирование у ворот!»), надеются закамуфлировать реальный риск столкновения планирования с рынком словами – «остающейся в целом рыночной экономики».

Неподражаемо это – «в целом»! Хотя планирование ампутирует у рыночной экономики «определенные ограниченные сферы», профессора предлагают не волноваться и удовлетвориться «остающейся в целом рыночной экономикой».

Хороша эта «в целом» рыночная экономика, из которой, в случае возрождения макрэкономического планирования, изымут (можете не сомневаться) основные сферы реальной экономики: конечно же, военно-промышленный комплекс, конечно же – тяжелую индустрию, конечно же, инфраструктуру и, конечно же, инновационный комплекс. А вот уцелевшую мелочь, так и быть, оставим вне планирования и отдадим «на растерзание» рынку. Но, успокаивают нас, не беда: ведь мы имеем дело с «остающейся в целом рыночной экономикой».

А то, что планирование захватит перечисленные, а потом и иные отрасли, можете не сомневаться: если государство (да-да, государство, а не какие-то там мифические «механизмы планирования») начнет осуществлять макрэкономическое планирование, то оно всякий раз будет оправдывать неэффективность такого планирования тем, что ему не подчинены еще такие-то заводы и такие-то отрасли, что оно не распоряжается всеми финансами, что ему не хватает полномочий, и так будет канючить до тех пор, пока снова не «огосударстит» ВСЮ экономику! В этом смысле государство, занятое планированием, всегда будет напоминать того, кому постоянно что-то мешает – то мало у него ресурсов, то не хватает финансов, то цены падают, то растут. Словом, как ни планируй, что-то обязательно не учтешь. Возьмите хотя бы нашу современную бюрократию, которая разрушила не только высшую школу, но заодно и все народное хозяйство, – в ее распоряжении уже не менее 70–80% всех производственных мощностей страны. И что мы слышим? – Мало! Мало! Мало! Опять требуют усиления роли государства в экономике, но выше 100% все равно не прыгнешь!

Во всем есть своя логика, и логика государства как единственного реального субъекта макрэкономического планирования будет подталкивать его к огосударствлению новых сфер, пока не охватит всю национальную экономику. Единственное «противоядие» этому внутреннему государственному империализму – бесконечная либерализация рыночной экономики и бесконечная борьба с любыми попытками огосударствления национальной экономики.

*

Административно-бюрократический субъективизм макроэкономического планирования особенно проявляется в момент испытания экономики кризисными потрясениями: в рыночной экономике о сокращении расходов думает каждый предприниматель, в нерыночной – только чиновники, так как в огосударствленной экономике, где предприниматели сохранились в основном в телесериалах, антикризисная политика сводится исключительно к сокращению бюджетных расходов. Вот чиновники и решают, какие учреждения закрыть, какие объединить, какие перевести на урезанное финансирование. Внимание, – это решает не экономика, не рынок, не конкуренция, а – ЧИНОВНИК! Вот чем плановая экономика отличается от рыночной!

А что, собственно, государство (бюрократия) забыло в экономике?

Правильно – возможность обогатиться за общественный счет. «Государственная экономика» – это и есть «государственный социализм»: расходы – общие, за счет всего общества, а доходы – одной группе, бюрократии. И других интересов у бюрократии никогда не было, нет и не будет.

Интересный момент – только кризис может заставить бюрократию, для собственного спасения, обратиться к рынку и либерализму, к тому, что ею предавалось анафеме в «тучные годы». Вот фрагменты из поистине удивительного документа Министерства финансов РФ, которое «вдруг» осознало, что численность в стране работников бюджетной сферы превышает аналогичные показатели развитых стран, входящих в Организацию экономического сотрудничества и развития, что доля казенных учреждений в некоторых регионах доходит до 95% (вот он, «беспредел огосударствления» экономики), что Минфин уже принимал в 2010(!) году федеральный закон № 83, реализация которого должна была приспособить 330 тыс. бюджетных учреждений РФ к работе в рыночных условиях (интересно, откуда бы взялись эти рыночные условия – при ненависти к рынку и предпринимательству?). И Минфин тогда еще предлагал разделить эти учреждения на две группы. Первую группу должны были составить учреждения, способные зарабатывать (а ведь это – рынок!), а вместо работы по смете они стали бы оказывать услуги на основе госзадания (получая субсидии из соответствующих бюджетов), а все доходы от платных услуг оставлять себе (а ведь это – рынок!); притом предполагалось перейти к оказанию госуслуг «на конкурентной основе» (а ведь это – рынок!), фактически отдав часть их в частные руки (а ведь это – рынок!). Неспособные же выйти на рынок окончательно преобразуются в казенные учреждения и остаются в смете государства (а ведь это тоже рынок!). Разделение на указанные группы «завершилось» в середине 2012 г., но этого не заметили ни сама экономика, ни бюджет, ни сами учреждения, так как эксперты отмечали формальный характер реформы: «на места» не были спущены четкие критерии разделения учреждений, в перечнях услуг не было показателей качества, нормативные затраты на оказание услуг определили по принципу «как сейчас», а жестко настаивать на продолжении реформы в 2012 г. Минфин не стал (Воронов и др., 2015). Однако удивительна здесь сама попытка спастись за счет очередной, пусть и замаскированной, но – рыночной реформы! О, как быстро кризис обучает чиновников рыночному мышлению, избавляя от упования на некое «планирование».

О ПЕЧАЛЬНОЙ СУДЬБЕ БЮРОКРАТИИ

Но именно по бюрократии, как это ни выглядит парадоксом, планирование, по уверению авторов, и нанесет смертельный удар – «новые институты планирования предполагают отказ от форм бюрократического централизма и опору на сетевые формы организации субъекта и процесса планирования».

Что ж, сказано сильно и с вдохновением. Но смущает, что сама конструкция фразы какая-то отстраненная, видно, что авторы сами не очень понимают, как это произойдет. Из того, что «новые институты планирования предполагают», понять что-то ре-

шительно невозможно: то ли это предположение – результат новых институтов планирования, то ли их следствие? И что же они «предполагают»? Ни много ни мало, как отказ от форм бюрократического централизма! Кто должен отказаться, почему, добровольно или насильственно, это вообще какая-то мистика. Не надо иллюзий, – хорошо устроившегося бюрократа переделать невозможно. Так что таинственные причины, по которым новым институтам планирования якобы предстоит стать могильщиками «бюрократического централизма», остаются на совести авторов статьи. Апелляция же их «к сетевым формам организации субъекта и процесса планирования» окончательно препятствует пониманию того, о чем толкуют авторы.

КАК ПРЕДПОЛАГАЕТСЯ РЕАНИМИРОВАТЬ ПЛАНИРОВАНИЕ

Авторы, конечно, озабочены возрождением именно *макроэкономического* планирования, ибо все «домакроэкономические» планирования их вообще мало занимают. Они отмечают, что сегодня термин «планирование» стал одновременно применяться и для обозначения экономики «реального социализма» («плановая экономика»), и социально-экономических прогнозов, которые разрабатываются во всех развитых странах.

Но ведь это – два совершенно различных вида планирования: советское планирование было *директивным, административным*, а в рыночно-развитых странах – *ориентирующим, подсказывающим*. Это – такая же разница, как между «приказом» и «советом». Приказ выполняют, *не думая*, а современное креативное производство требует, чтобы участники производства *думали*. Впрочем, примитивной экономике планирование всегда милее и приятнее, ибо это – бюрократический и необременительный стиль управления народным хозяйством.

Но сколько же мы будем наступать на одни и те же грабли? Что ходить-то далеко – наши уважаемые профессора могли бы на себе прочувствовать последствия планирования, отданного в руки вузовской бюрократии (а больше отдавать некому), ежедневно выполняя бессмысленные распоряжения по методическому обеспечению учебного процесса. А чем, в случае макроэкономического планирования, производственный процесс будет отличаться от учебного?

ВОЕННО-ЛИРИЧЕСКИЕ ОТСТУПЛЕНИЯ

Макроэкономическое планирование, говоря высоким языком политической экономики, это высшая ступень *организационного* обобществления производства, оно жестко «стягивает» все отрасли, секторы и сферы народного хозяйства в единое целое, вынуждая их «шагать в ногу». Да и то сказать, какой смысл в макроэкономическом планировании, если отрасли будут шагать «вразнобой»? Скажем, вы планируете определенный объем урожая пшеницы, и – пошло-поехало: под этот объем нужен такой-то парк техники для уборки, переработки, сортировки, перевозки, хранения и т.д. Естественно, что все секторы двинулись к планируемым показателям – выпуск и ремонт техники, резервирование горючего и прочее. Правда, у многих частных предприятий могут быть свои планы действий. Тогда они идут отдельной (для планирования – «пятой») колонной.

Что же делать с этой пятой колонной? Для по-настоящему плановой экономики (той, что авторы почтительно именуют «реальным социализмом») такого вопроса нет – все предприятия становятся государственными, и в этом качестве «тянут ногу» не хуже солдат на церемониальном параде.

А вот если план провалился (скажем, из-за непогоды), то тут – или план корректировать под реальность, или реальность «обкорнать» под план. Конечно, у бюрократии всегда виновата в провале плана – реальность, поэтому чиновник всякий раз будет за то, чтобы подогнать реальность под план. А для этого требуется «всего-то» превратить уцелевшие частные предприятия – в государственные. После чего до «реального социализма» церемониальным шагом рукой подать.

*

Между прямым («приказным») и индикативным («советующим») планированием есть принципиальное отличие, которое можно проиллюстрировать на нестандартном примере. Известно, что древние армии представляли собой огромные людские массивы, где отдельного воина невозможно было даже различить. Таковы, например, древнегреческая фаланга и древнеримский легион: ошетилившийся копьями и щитами фронт без флангов. И с тех пор армии бесконечно дробились, пока военная единица не достигла естественного предела – отдельного солдата. Начиная с англо-бурской войны, самостоятельные инициативные воины стали главным «конкурентным» преимуществом любой армии.

Нечто подобное можно сказать и об «экономической армии» – самостоятельно охотящиеся за прибылью предприятия оказались эффективнее, чем предприятия, шагающие колонной к предписанной планом цели, которая чаще всего сливается с горизонтом.

Рыночная экономика, ежедневно вырастающая из конкуренции инициативных предпринимателей, никогда не будет маршировать колонной. Именно поэтому директивное планирование и рыночная экономика несовместимы (*Sidhartha & Surojit Gupta, 2015; Rao, 2007*). Но именно поэтому советовать либеральной рыночной экономике перенимать опыт «реального социализма» – довольно странное занятие. Мне вообще кажется, что трагическая история российской экономики предопределила драматическую специализацию российских экономистов – исходя из пережитого опыта планового разрушения экономики, советовать мировому экономическому сообществу то, что *не надо* делать.

Но есть еще один момент, который образует невидимое преимущество рыночной экономики перед плановой, – конечно, удачный план многократно увеличивает выигрыш благодаря плановой концентрации усилий множества предприятий. Но если план провалился, то это многократно усиливает проигрыш шагающих колонной предприятий, тогда как самостоятельно бредущие предприятия всегда имеют шанс спастись в одиночку. По этому поводу Рандольф Холкомб пишет: «Смит пришел к выводу, что свободные рынки, защита прав частной собственности и минимальное государственное присутствие в экономике приведут к процветанию экономики. Другими словами, экономическая свобода ведет к экономическому росту. Выводы Смита не были общепринятыми среди экономистов до двадцатого века, когда развитие событий ... склонило экономистов выступать за централизованное планирование и государственный контроль как лучший способ достижения процветания... В 30-х годах (Кейнс) уже доказывал, что современная экономика нуждается в активной государственной политике, чтобы управлять и поддерживать процветание»; вывод автора таков: «экономическая свобода ведет к экономическому росту даже там, где страны имеют ограниченные политические свободы. Обратное не верно: политическая свобода, без экономической свободы, не приносит роста» (*Holcombe, 1998*).

МЕЛКИЕ ОГОВОРКИ – КРУПНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ?

Авторы статьи хвалят деголлевскую Францию за то, что она «использовала индикативные планы и активную промышленную политику для укрепления своей национальной мощи», а дальше «случайно» передергивают – «Для нас этот опыт интересен, прежде всего, тем, что показывает возможность соединить планирование с а) мощным национальным модернизационным рывком, б) политической демократией и в) социально ориентированным развитием» (*Бузгалин, Колганов, 2016а. С. 65*). Но, позвольте: хвалят за «индикативные планы», а подсовывают-то директивное планирование, – что же это делается?

И такая подмена идет по всей статье: похваливая послевоенную Японию и Южную Корею за индикативное планирование, авторы всюду незаметно используют термин «планирование», как бы невзначай опуская принципиально важное уточнение – «ин-

дикативное». Более того, если верить авторам, то даже то самое «индикативное планирование» все равно завершилось печально – «отказом от широкого использования методов косвенного регулирования и индикативного планирования» (Бузгалин, Колганов, 2016а. С. 65). Вот те на!

Дальше авторы объясняют причины такого отказа, но объяснить-то можно что угодно, тогда как в науке принимаются только те объяснения, которые встроены в механизм действия доказанных закономерностей. А здесь опыт одной страны «опровергает» опыт другой страны, что превращает единую экономическую науку в диковинный набор историй развития разных национальных экономик.

Общий вывод статьи таков – «глобализация и развитие новых технологий не приводят к отмене государственного регулирования, а создают новые запросы и возможности для участия государства в экономике». И так, «все смешалось в доме Облонских» – народнохозяйственное планирование, индикативное планирование, государственное регулирование. И вот, обзрев все, что можно, авторы заключают: «В таких условиях и большая часть граждан РФ, и ее государственно-бюрократический аппарат, и часть несырьевого производственного бизнеса объективно заинтересованы в более активном государственном селективном регулировании и индикативном планировании» (Бузгалин, Колганов, 2016а. С. 66). Да куда же еще «более активном»?

А мы, в свою очередь, можем сообщить авторам, чем закончится эта «объективная заинтересованность большей части граждан РФ» – уничтожением последних остатков рыночности в виде свободной конкуренции. Или авторы не знают, как люто ненавидит наша бюрократия мелкий бизнес? А с крупным расправились по-другому – все наши «олигархи», удачные «банки», устойчивые «предприятия» являются таковыми... по назначению. Да, вот что значит пустить государство в экономику – всюду «назначенцы» да «порученцы». Эх, господа профессора, можно, конечно, любить планирование, но не за счет же экономики!

Не тут-то было. «О необходимости более активного государственного регулирования в России, в частности, проведения промышленной политики, говорят в своих публикациях многие отечественные авторы» (Бузгалин, Колганов, 2016а. С. 66, сноска 9). Да-да, мы это слышим уже последние сто лет!

Тем не менее, *государство ничего другого, кроме того, что оно делало на протяжении семидесяти (!) лет советской власти, в эпоху своего абсолютного всевластия и абсолютной безнаказанности, когда полностью разрушила свою историческую добычу – российскую экономику, иное сотворить не в состоянии.*

Этого не понимают (или не видят) только профессора от экономики.

*

Есть еще одно соображение. Любая бюрократическая система, в том числе и «плановая», строится по иерархическому принципу и, в конце концов, замыкается на Верховной Бюрократической Инстанции. Тем-то и порочен бюрократизм, особенно в авторитарных режимах, что рано или поздно все сводится к мыслям, указаниям и действиям одной этой Инстанции. Все эти годы политика советского государства, всех государственных институтов, хозяйственных управлений, любого начальства, даже жизнь одного человека – прямо зависели от Верховной Бюрократической Инстанции. И «эффективность» такого единоначалия была доказана каждым из семидесяти лет советской эпохи. Как же можно вновь и вновь предлагать полтора сотням миллионов человек жить по «инстанционному» указанию? Разве Инстанция не может ошибаться? И нам ли не знать, как построенная таким иерархическим образом система буквально за несколько лет способна разрушить экономику целой страны! И какого эффективного макроэкономического планирования ждать в этих условиях, разве что амбициозные проекты за счет ослабления всей экономики?

Все надежды А. Бузгалин и А. Колганов связывают с «селективным (избирательным и ограниченным по методам и сферам применения) планированием». Неправда здесь

заключается в «нейтральной» интонации двух слов – «избирательным» и «ограниченным» (к тому же спрятанных в скобках), – кто будет «избирать» и «ограничивать»? Кто тот герой, который «даст по рукам» всеядному государству? *Это может сделать только независимое от государства общество, а независимым от государства обществом является общество, живущее за счет собственной, частной, предпринимательской активности*³.

В своей статье А. Бузгалин и А. Колганов сулят неосуществимое: якобы селективное планирование имеет «системное качество – определение обществом и утверждение государством на некий период четко зафиксированных целей и основных «правил игры» в области косвенного (для частного сектора) и прямого (для общественного сектора) регулирования части национальной экономики, на которую оно распространяется».

Замечательная туманность: «определение обществом и утверждение государством». Что такое «определение обществом»? Хотите правды? Тогда эта формула должна быть монистически преобразована – «определенное и утвержденное государством».

Дальше – снова туман: прямые правила игры для огосударствленной части национальной экономики, и косвенные – для частного сектора. Идиллия! Но реальность будет совсем другой – государство недолго станет маяться косвенными методами в частном секторе, а очень быстро перейдет к прямым. И такие парения в облаках – на протяжении всей статьи, судите сами: «Важно, что такое планирование осуществляется в остающейся преимущественно рыночно-капиталистической, базирующейся главным образом на частной собственности, экономике и ограничено по масштабу, целям (они ограничены исключительно задачами реформирования капитализма) и кругу средств воздействия (в сфере частного бизнеса они остаются косвенными)» (Бузгалин, Колганов, 2016а. С. 67). Так я в это и поверил, имея перед глазами не листки статьи двух авторов, а десятилетия беспощадной директивности.

Между тем, альтернативная позиция западного экономического сообщества гораздо жизнеспособнее – излагаемая авторами, она сводится к следующему: «производство должно быть частным, а его параметры – формироваться “невидимой рукой” рынка; дело государства – лишь некоторое перераспределение ресурсов с целью обеспечить большую социальную справедливость» (Бузгалин, Колганов, 2016а. С. 68). Вот это гораздо жизненнее, нежели интеллигентные конструкции авторов рассматриваемой статьи.

Поддержкой у авторов пользуется позиция В.М. Полтеровича, предлагающего следующие принципы системы «интерактивного» планирования: планы формируются в процессе диалога федеральных и региональных администраций; выполнение планов достигается за счет не административного принуждения, а рыночных стимулов и в рамках рыночных механизмов; государство играет роль координатора не только на стадиях отбора и реализации проектов, но и на стадии их инициации.

Ну, что тут скажешь? На протяжении всей российской истории не было случая, чтобы на равноправных началах состоялся диалог федеральных и региональных учреждений (однажды только он случился, и то – в виде встречи московской и новгородской рати, лет пятьсот назад); какое-то фантастическое предположение о том, что «выполнение планов достигается за счет не административного принуждения, а рыночных

³ Следует отметить, что и в западной экономической литературе изредка встречаются сторонники компромисса «плана и рынка», например: «Многие из успешных стран, управляемых рыночной экономикой, используют метод, называемый «рынок, соответствующий требованиям планирования»; имеется в виду система, в которой планирование и нормативные акты направлены на оказание помощи рынку в более эффективной реализации его потенциала. Рынок, соответствующий требованиям планирования, включает следующие сознательные преобразования – изменения в балансе экономической активности во всех секторах; модернизацию экономической деятельности внутри и между секторами; продвижение новых направлений экономической деятельности в секторах; свертывание неконкурентоспособных областей, которые не имеют возможности быть обновлены и восстановлены в приемлемой конкурентоспособности» (Sutton, 1996).

стимулов и в рамках рыночных механизмов», – неужели не понятно, что выполнение планов всегда обеспечивается *административным принуждением*? Особенно забавляет почтительное – «государство играет роль координатора не только на стадиях отбора и реализации проектов, но и на стадии их инициации», – да оно будет играть все роли на всех стадиях, неужели и это неясно⁴?

*

Среди глубоких сентенций, присутствующих в критикуемой статье, особое внимание привлекает следующий пассаж – «Мы далее предложим "правила игры", которые способствуют формированию отношений сознательного регулирования пропорций и других параметров процесса производства (на языке классической политэкономии – воспроизводства), что, в свою очередь, выведет их из-под власти отношений рыночно-капиталистического саморегулирования» (Бузгалин, Колганов, 2016а. С. 68). Не знаю, чем авторам не угодили отношения «рыночно-капиталистического саморегулирования», но интереснее другое: 169 лет назад Маркс разобрал работу г-на Прудона «Философия нищеты» и в своем знаменитом ответе («Нищета философии») особенно ополчился на Прудона за его неожиданную для экономиста фразу – «я предложу другим людям, моим сотрудникам по различным родам деятельности, уступить мне часть производимых ими продуктов в обмен на продукт, производимый мной».

Маркс был взбешен этой фразой потому, что с научной точки зрения общественное разделение труда следовало трактовать только как естественноисторическую форму организации общественного производства, а не как результат инициативного предложения г-на Прудона («я предложу другим людям»). Нечто подобное проделывают и наши авторы («Мы далее предложим»), – а если забудут и не предложат?

Макроэкономическое планирование, если оно когда-нибудь и состоится, должно *вырасти* из естественноисторических условий производства и тем обрести объективную природу, а не из «правил», предложенных в статье. Экономическая история не сводится к реализации конструкций, предлагаемых в монографии или статье (кроме разве столь приглянувшегося нашим авторам «реального социализма»), ибо такая реализация и есть «экономический идеализм».

*

Если бы «реальный социализм» не продемонстрировал «достижения» в сфере планирования, то, пожалуй, отношение к планированию рыночно-развитых стран было бы помягче. Но после масштабного исторического опыта развала советской экономики с помощью такой «дубины», как макроэкономическое планирование, желающих еще раз поэкспериментировать с этой дубиной не найдется (включая, надеюсь, и нашу страну).

И последнее. Планировать производство, технологии, инновации – можно. Но **экономика – не производство**. Экономика – это система **общественного** производства, вырастающая из **общественного** разделения труда, которое требует не столько общественной координации затрат этого труда, сколько **соизмерения результатов каче-**

⁴ Об итогах реальной попытки осуществить народнохозяйственное планирование в индийской экономике, которую характеризуют как смешанную экономику, ярко повествует Говинда Рао, директор индийского Национального института государственных финансов и политики: «Как ни странно, планирование в экономике смешанной структуры всегда было приключением, чреватым риском утраты реализма. Учитывая значительное присутствие частного сектора, эффективное осуществление физического и финансового контроля, планирование, даже в пору своего расцвета, было вызовом... Опыт планирования в течение более полувека показывает, что разработка плана на бумаге никогда не была воплощена в его реализации. Проекты для финансирования отбирались более по политическим соображениям, чем по строгому анализу их затрат и выгод. Давление для включения проектов в рамках плана часто приводило к завышению требуемых ресурсов. Неспособность финансировать проекты, включенные в план, приводит со временем к перерасходу средств. Большое число проектов по политическим причинам и невозможность их финансирования оставляют большие обязательства и гораздо меньше гибкости в последующих планах. Механизм планирования в Индии придал сегментированный вид бюджетному процессу. Различие между планом и планом без бюджета не только изменило целостное представление о требованиях к инфраструктуре и предоставлении общественных услуг, но и привело к серьезным искажениям в государственных расходах. Увлечение увеличением размера плана привело к полному пренебрежению его финансовым обслуживанием» (Рао, 2007).

ственно различных видов труда. А это можно сделать только через приведение их к единому выражению, имя которому – **стоимость**. Поэтому **планировать экономику – значит планировать стоимость**. А такое планирование практически неосуществимо, так как стоимость порождается непредсказуемой конкуренцией независимых, самостоятельных, негосударственных производителей и потребителей. Словом, или планирование – и тогда отказ от экономики, или отказ от планирования, и тогда – возвращение экономики. Таким образом, рассмотренная статья фактически расправляется не только с политэкономией, но и со стоимостью. Впрочем, ни политэкономии, ни стоимости такое испытывать не впервой.

Когда-то Маркс буквально одним словом определил суть государства – это налоги.

Другое, не менее сущностное высказывание, принадлежит Ленину: государство есть машина подавления одного класса другим.

Вебер внес исключительно важное дополнение: государство – это институт легитимизированного насилия.

Теперь, после рассмотрения проблематики, навеянной критикуемой статьей, к трем названным определениям можно добавить: государство – это макроэкономическое планирование. И в этом своем качестве оно крайне противоречиво сказывается на эффективности национальной экономики в эпоху ее рыночной глобализации.

ЛИТЕРАТУРА

Бузгалин А., Колганов А. (2016а). Планирование: потенциал и роль в рыночной экономике XXI века // *Вопросы экономики*, № 1, с. 63–80.

Бузгалин А., Колганов А. (2016б). Возрождение планирования: уроки истории (политико-экономический дискурс) // *Проблемы теории и практики*, № 1, с. 8–21.

Бузгалин А., Колганов А. (2016с). Теория планомерности и задачи развития селективного планирования в рыночной экономике // *Вопросы политической экономии*, № 1, с. 21–43.

Воронов А., Черных А., Вислогузов В., Бутрин Д., Хамраев В. (2015). Укрупнять и увольнять // *Коммерсантъ*, 23 апреля (<http://www.kommersant.ru/doc/2714631>).

Селюнин В., Ханин Г.И. (1987). Лукавая цифра // *Новый мир*, № 2, с. 181–201.

Ханин Г.И. (2015). Лукавая цифра против экономики России // *Идеи и идеалы*, т. 2, № 1 (23), с. 151–153.

Эхо Москвы (2009). Именем Сталина. Репрессированная статистика, 31 октября (<http://echo.msk.ru/programs/staliname/630084-echo/>).

Boundless (2016). Differences Between Centrally Planned and Market Economies // *Boundless Economics*, 26 May (retrieved 20 June 2016 from <https://www.boundless.com/economics/textbooks/boundless-economics-textbook/principles-of-economics-1/basic-economic-questions-42/differences-between-centrally-planned-and-market-economies-155-12253/>).

Ellman M. (1968). Lessons of the Soviet Economic Reform // *The Socialist Register*, pp. 23–53 (<http://socialistregister.com/index.php/srv/article/viewFile/5269/2170>).

Hazlitt H. (1981). Planning vs. The Free Market // *FEE – Foundation for Economic Education*, 01 May (<https://fee.org/articles/planning-vs-the-free-market/>).

Holcombe R.G. (1998). Economic Freedom and Economic Growth // *FEE – Foundation for Economic Education*, 01 February (<https://fee.org/articles/economic-freedom-and-economic-growth/>).

Kay J. (2009). The Rationale of the Market Economy: a European Perspective // *Capitalism and Society*, 02 June (<http://www.johnkay.com/2009/06/02/the-rationale-of-the-market-economy-a-european-perspective>).

Nuti D.M. (1985). Economic Planning in Market Economies: Scope, Instruments, Institutions / *Paper presented at the Conference "Towards New Foundations for Socialist Policies in Britain"*, organized by the Cambridge Journal of Economics in Cambridge, 26–29 June.

Rao M.G. (2007). Planning in a market economy // *RediffIndia Abroad*, 04 July (<http://www.rediff.com/money/2007/jul/04guest.htm>).

Roberts P.C. (2002). My Time with Soviet Economics // *The Independent Review*, vol. VII, no. 2, pp. 259–264 (https://www.independent.org/pdf/tir/tir_07_2_roberts.pdf).

Sidhartha & Surojit Gupta (2015). 'Five year plans not possible in market economy: Panagariya // *The Times of India*, TNN, 30 December (<http://timesofindia.indiatimes.com/india/Five-year-plans-not-possible-in-market-economy-Panagariya/article-show/50378094.cms>).

Sutton P. (1996). Transformed market conforming planning // *Research and Strategy for Transition Initiation Inc.*, 3 December (<http://www.green-innovations.asn.au/tmcp.htm>).

Tinbergen J. (1968). Western Europe / In: *International Encyclopedia of the Social Sciences. The Columbia Encyclopedia* (http://www.encyclopedia.com/topic/economic_planning.aspx#1).

REFERENCES

Buzgalin A. and Kolganov A. (2016a). Planning: its potential and role in the market economy of XXI century. *Voprosy ekonomiki*, no. 1, pp. 63–80. (In Russian.)

Buzgalin A. and Kolganov A. (2016b). The revival of planning: the lessons of history (political and economic discourse). *Issues of theory and practice [Problemy teorii i praktiki]*, no. 1, pp. 8–21. (In Russian.)

Buzgalin A. and Kolganov A. (2016c). The theory of planning and objectives of selective planning development in the market economy. *Issues of Political Economy*, no. 1, pp. 21–43. (In Russian.)

Echo of Moscow (2009). In the name of Stalin. Repressed statistics, 31 October (<http://echo.msk.ru/programs/staliname/630084-echo/>). (In Russian.)

Khanin G.I. (2015). A crafty figure against the Russian economy. *Ideas and ideals [Idei i idealy]*, vol. 2, no. 1 (23), pp. 151–153. (In Russian.)

Selyunin V. and Khanin G.I. (1987). A crafty fugure. *New world [Novyi mir]*, no. 2, pp. 181–201. (In Russian.)

Voronov A., Chernykh A., Visloguzov V., Butrin D. and Khamraev V. (2015). To consolidate and to dismiss. *Kommersant*, 23 April (<http://www.kommersant.ru/doc/2714631>). (In Russian.)

Boundless (2016). Differences Between Centrally Planned and Market Economies. *Boundless Economics*, 26 May (retrieved 20 June 2016 from <https://www.boundless.com/economics/textbooks/boundless-economics-textbook/principles-of-economics-1/basic-economic-questions-42/differences-between-centrally-planned-and-market-economies-155-12253/>).

Ellman M. (1968). Lessons of the Soviet Economic Reform. *The Socialist Register*, pp. 23–53 (<http://socialistregister.com/index.php/srv/article/viewFile/5269/2170>).

Hazlitt H. (1981). Planning vs. The Free Market // *FEE – Foundation for Economic Education*, 01 May (<https://fee.org/articles/planning-vs-the-free-market/>).

Holcombe R.G. (1998). Economic Freedom and Economic Growth. *FEE – Foundation for Economic Education*, 01 February (<https://fee.org/articles/economic-freedom-and-economic-growth/>).

Kay J. (2009). The Rationale of the Market Economy: a European Perspective. *Capitalism and Society*, 02 June (<http://www.johnkay.com/2009/06/02/the-rationale-of-the-market-economy-a-european-perspective>).

Nuti D.M. (1985). Economic Planning in Market Economies: Scope, Instruments, Institutions / *Paper presented at the Conference "Towards New Foundations for Socialist Policies in Britain"*, organized by the Cambridge Journal of Economics in Cambridge, 26–29 June.

Rao M.G. (2007). Planning in a market economy. *Rediff India Abroad*, 04 July (<http://www.rediff.com/money/2007/jul/04guest.htm>).

Roberts P.C. (2002). My Time with Soviet Economics. *The Independent Review*, vol. VII, no. 2, pp. 259–264 (https://www.independent.org/pdf/tir/tir_07_2_roberts.pdf).

Sidhartha & Surojit Gupta (2015). 'Five year plans not possible in market economy': Panagariya. *The Times of India*, TNN, 30 December (<http://timesofindia.indiatimes.com/india/Five-year-plans-not-possible-in-market-economy-Panagariya/article-show/50378094.cms>).

Sutton P. (1996). Transformed market conforming planning. *Research and Strategy for Transition Initiation Inc.*, 3 December (<http://www.green-innovations.asn.au/tmcp.htm>).

Tinbergen J. (1968). Western Europe / *In: International Encyclopedia of the Social Sciences. The Columbia Encyclopedia* (http://www.encyclopedia.com/topic/economic_planning.aspx#1).